

Сады Свѣтлыхъ Грезъ.

Разсказъ М. Вудъ.

Свѣжій запахъ торфяныхъ испареній сливался съ запахомъ медоноснаго вереска. Былъ ранній вечеръ, мужчины возвращались домой съ работы, а хозяйки маленькой деревушки Эксмуръ готовили для нихъ ужинъ. Отдаленное блеяніе возвращающихся съ пастъбы овецъ соединялось съ журчаніемъ рѣки Барль, извиристо направляющей къ темному пруду, который, по преданію, служилъ мѣстомъ купанья для могучаго витязя древнихъ временъ. Зеленыя луговины лежали въ тѣни. Покойныя очертанія холмовъ, по которымъ бѣжали ручейки, спадавшіе съ ихъ боковъ маленькими водопадами, были ясно очерчены на блѣдномъ небѣ, на которомъ виднѣлся тоненькій серпъ луны, окруженный легкими перистыми облаками. Старый, покрытый мохомъ и выбивающіеся изъ его разсѣлинъ папоротниками, каменный мостъ пересѣкалъ рѣку Барль. На мосту стояли два человѣка, случайные знакомые, любители-рыболовы, временно остановившіеся въ деревенской гостинницѣ, едва виднѣвшейся изъ-за вьющихся розъ, которыя покрывали и ея стѣны, и соломенную кровлю.

Одинъ изъ нихъ былъ деревенскій докторъ, пріѣхавшій сюда, чтобы отдохнуть, страстный рыболовъ и самоучка психологъ; другой былъ романистъ и драматическій писатель, менѣе пылкій спортсменъ, откровенно признававшійся, что его рыболовство только приличный предлогъ, чтобы пошататься среди полей. Оба эти человѣка встрѣтились наканунѣ за раннимъ завтракомъ и теперь снова сошлись на мосту послѣ цѣлаго дня рыбной ловли и, какъ это ни невѣроятно, бесѣдовали вовсе не о рыбахъ и не объ уловѣ.

„Я думаю“, сказалъ докторъ, питавшій большую слабость къ знаменитостямъ и большой интересъ къ чужимъ занятіямъ, „я думаю, вы часто основываете ваши романы и театральныя пьесы на истинныхъ происшествіяхъ—я разумѣю ваши наблюденія надъ дѣйствительными фактами“.

„Упаси меня Боже!“—быстро проговорилъ драматическій писатель.

„Почему же?“

„Если бы я это дѣлалъ, публика сказала бы, что мои дѣйствующія лица ведутъ себя съ нелѣпой непоследовательностью. Критики заявили бы, что я проявляю плачевный недостатокъ знанія жизни и человѣческой природы. Никакая публика и никакой читатель не потерпитъ на сценѣ или въ романѣ то, что происходитъ въ реальной жизни. Они объявятъ это невозможнымъ. Необходимо выбрать. Реальная жизнь—если жизнь вообще реальна—или слишкомъ скучна, или черезчуръ фантастична для сцены. Люди—драматическій писатель испустилъ вздохъ и заговорилъ медленно, словно созерцая всю необъятность человѣческой глупости и содрогаясь при этомъ зрѣлищѣ—люди способны на все.“

„Да. По мѣрѣ того, какъ мы становимся цивилизованнѣе, мы дѣлаемся все сложнѣе.“

„Сложность ведетъ болѣе къ идеологіи, а не къ дѣйствіямъ, думается мнѣ. Позволю себѣ парадоксъ. Сложные люди сравнительно просты; во всякомъ случаѣ до извѣстной степени сложности возможно еще рассчитывать на нихъ. Поражаютъ васъ не они, а примитивные люди. Иногда при видѣ грѣшника у васъ займется дыханіе, когда онъ внезапно появится передъ вами богоподобнымъ, хотя бы и прикрывался маской дьявола. Или вашъ „младшій братъ“, котораго вы думали, что знаете вдоль и поперекъ, вдругъ обнаруживаетъ, что вы были черезмѣрно довѣрчивый глупецъ. Я думаю, что многіе менѣе сложные люди ближе къ природѣ, и они чувствуютъ игру великихъ космическихъ силъ, на которую мы уже перестали отзываться.“

„Вы такъ думаете? Рискну своей репутациею здравомыслящаго человѣка и расскажу вамъ—пари держу—самую странную исторію, которую вы когда-либо слышали.“

„Рассказывайте,“ сказалъ драматическій писатель. „Мы всѣ болѣе или менѣе лишены здраваго смысла; наиболѣе здравый изъ насъ тотъ, кому это извѣстно.“

Когда онъ говорилъ, на дорогѣ, огибающей ближайшій холмъ, раздался шумъ приближающейся повозки; въ нее былъ впряженъ

старый гнѣдой пони; рядомъ съ пони шель человѣкъ, ласково охватившій его шею рукою.

„Легокъ на поминѣ!“ воскликнулъ докторъ, „посмотрите на этого молодца, онъ живетъ въ Дартморѣ, но ранней осенью странствуетъ по всему Западу съ плодами и медовыми сотами“.

Писатель взглянулъ и увидалъ очень молодого человѣка, приблизительно девятнадцати или двадцати лѣтъ. Онъ былъ средняго роста, чрезвычайно худъ и гибокъ; у него было тонкое, подвижное, чисто выбритое лицо, свѣтло-сѣрые глаза и густая копна рыжеватыхъ, кудрявыхъ волосъ. Какъ стеклянный шаръ на зажженной лампѣ служитъ проводникомъ для горящаго позади его свѣта, такъ его тѣло казалось проводникомъ для скрытой въ немъ внутренней силы, которая неудержимо выбивалась наружу. Когда онъ увидалъ доктора, онъ улыбнулся странной сияющей улыбкой, обнаружившей очень бѣлые зубы. Онъ пошелъ къ повозкѣ и снялъ съ нея корзину; въ ней лежали маленькіе деревянные квадраты, наполненные медовыми сотами. Онъ взялъ три такіе квадрата и положилъ ихъ на каменные перила, около доктора.

„Нужно заплатитъ за нихъ, Симонъ Каргэзъ?“ спросилъ докторъ.

Положившій медъ засмѣялся и покачалъ головой; онъ пошелъ назадъ къ своему пони, который потеръ носъ объ его рукавъ и ласково забралъ въ зубы его одежду; оба двинулись медленно впередъ.

„Таинственный видъ у этого юноши,“ сказалъ драматическій писатель, „у него самое странное лицо, какое я когда-либо видѣлъ; но я не знаю, въ чемъ эта странность; развѣ въ томъ, что оно служитъ для выраженія чего-то, что я не могу уловить. Онъ смотритъ невиннымъ, но я совсѣмъ не подразумеваю подъ этимъ идиота. Кстати, есть что-то очень циничное въ обычномъ пониманіи этой фразы.“

„У него былъ совершенно другой видъ, когда я его узналъ впервые; самое очертаніе его лица измѣнилось. Вы называете его юношей. А вѣдь ему сорокъ лѣтъ.“

„Быть не можетъ!“

„Это и есть герой моей странной исторіи. Когда я узналъ его, онъ смотрѣлъ старше, чѣмъ теперь; ему было двадцать два года, и онъ былъ заключенный въ той тюрьмѣ, гдѣ я былъ докторомъ.“

„Ваша исторія“, сказалъ драматическій писатель, „объясняетъ быть очень невѣроятной и потому должно быть истинна. Расскажите ее мнѣ, и будьте увѣрены, что я не переложу ее въ драму“.

„Вы не смогли бы, если бы даже и хотѣли,“ сказалъ докторъ.

А затѣмъ онъ разсказалъ исторію Симона Каргэза, насколько самъ ее зналъ. Но я, который знаю ее лучше, чѣмъ онъ, расскажу ее по своему, и тотъ, кто ее прочтетъ въ моемъ изложеніи, будетъ знать болѣе о подарившемъ медовые соты, чѣмъ узнаетъ когда-либо драматическій писатель. Не то, чтобы я могъ объяснить всю исторію, или найти причину того, что произошло. Какая цѣль всего приключившагося съ Симономъ Каргэзомъ, этого я не знаю, а также и нити его прошлаго, приведшія его къ такому волшебному переживанію, мнѣ совершенно неизвѣстны. Возможно, что я не знаю какъ разъ того звена, которое могло бы объяснить все остальное; но такія исторіи уясняютъ, что причины вещей лежатъ внѣ нашего кругозора; и всѣ наши сужденія о людяхъ и о дѣйствіяхъ тѣхъ законовъ, которые наши благочестивые дѣды называли таинственными Путями Провидѣнія или Волей Божіей, не болѣе какъ лепетъ младенцевъ, болтающихъ въ потемкахъ.

И лишь имѣя въ виду великую чистоту какъ отца, такъ и дочери, жизнь которыхъ сдѣлала изъ бесплоднаго мѣста садъ такого совершенства, что ангелы могли бы ходить по немъ, не запятнавъ свои одежды, имѣя это въ виду, я не сомнѣваюсь, что совершившееся чудо шло отъ святыхъ силъ, и что онѣ избрали Симона Каргэза для унаслѣдованія тѣмъ, которые насадили волшебный садъ, дѣйствуя въ согласіи съ какимъ-нибудь тайнымъ закономъ, который судить людей не по тому, чѣмъ они кажутся, а потому, что они есть на самомъ дѣлѣ. Точно также не сомнѣваюсь я, что на землѣ бываютъ священныя мѣста, которыя очищаютъ тѣла и души всѣхъ, способныхъ приблизиться къ нимъ. Несомнѣнно, что Симонъ Каргэзъ дѣлалъ то дѣло, которое ему слѣдовало дѣлать; хотя онъ самъ и не зналъ, какое это дѣло, и даже не зналъ, что онъ дѣлаетъ его. Ибо бываютъ такіе, которые работаютъ сознательно для добра или зла, и такіе, которые дѣлаютъ то же самое, совсѣмъ не зная того; возможно, что именно черезъ нихъ дѣйствуютъ высшія силы. Но какъ случилось, что онъ сталъ такимъ, я, не знающій его прошлаго, сказать не могу. Вотъ его исторія.

Его мать покончила съ собой, когда онъ былъ годовалымъ ребенкомъ; она была второй женой его отца и отецъ относился къ нему съ совершенно безпричинной ненавистью. Онъ безсовѣстно пренебрегалъ ребенкомъ, давая ему только пищу и кровь, но не оказывая никакой ласки и не давая сыну никакого воспи-

танія. Когда онъ умеръ—мальчику было тогда десять лѣтъ—онъ оставилъ его въ полной зависимости отъ своего старшаго сына, котораго онъ имѣлъ отъ перваго брака. Если отецъ Симона былъ холодно небреженъ, братъ оказался активно жестокимъ. Его обращеніе съ сыномъ отца было до того сурово, что всѣ сосѣди обвиняли его. Когда мальчикъ выросъ и миновалъ тотъ возрастъ, когда ненависть можетъ проявляться побоями, она приняла утонченныя, но и болѣе опасныя формы. Симонъ Каргэзъ, благодаря такому грубому обращенію, благодаря отсутствію воспитанія и жизни безъ любви, выросъ очень страстнымъ, неуравновѣшеннымъ, нервнымъ и пугливымъ. Ссора за ссорой поднимались между нимъ и старшимъ братомъ; кончилось тѣмъ, что младшій Каргэзъ очутился на скамѣ подсудимыхъ, обвиняемый въ умышенномъ покушеніи на убійство старшаго брата, смерть котораго передала бы все состояніе отца въ его руки. Преступникъ не выражалъ раскаянія; онъ высказалъ, что добивался не денегъ, а смерти человѣка, котораго ненавидѣлъ всей душой, и что рано или поздно онъ все равно выполнитъ свое намѣреніе. Несмотря на это, ему было оказано снисхожденіе благодаря всѣмъ извѣстному дурному обращенію съ нимъ брата, которое могло довести его до величайшаго раздраженія. Онъ былъ приговоренъ къ срочному тюремному наказанію. Въ тюрьмѣ на него нападали припадки безумнаго гнѣва и возбужденія; онъ не хотѣлъ подчиняться, былъ порывистъ и истериченъ, благодаря чему возрастала строгость его наказанія. Когда со времени приговора прошелъ годъ, случилось, что онъ работалъ съ толпою другихъ преступниковъ въ нѣкоторомъ отдаленіи отъ тюрьмы; былъ густой туманъ и подъ прикрытіемъ его тремъ преступникамъ удалось бѣжать. Каргэзъ былъ однимъ изъ нихъ, и собственно съ этого момента начинается его настоящая исторія. Двое изъ бѣжавшихъ были пойманы на другой же день. Каргэзъ оставался на свободѣ въ теченіе шести мѣсяцевъ, а затѣмъ самъ отдался въ руки правосудія.

Англійскій іюнь не всегда отличается тепломъ, въ особенности на болотахъ, когда туманы несутся по нимъ подобно привидѣніямъ, гонимые вѣтромъ со стороны океана. Когда на другой день туманъ былъ разсѣянъ предразсвѣтнымъ вѣтромъ, Симонъ Каргэзъ оказался лежащимъ въ верескѣ, окоченѣлымъ, пронизаннымъ сыростью, страдающимъ отъ голода. Онъ лежалъ притаившись весь день, а когда наступила ночь, онъ всталъ и крадучись потащился, падая почти на каждомъ шагу отъ голода и слабости.

Онъ дошелъ до границы, гдѣ прекращался верескъ и начинался лѣсъ, по которому бѣжалъ ручей и виднѣлась узкоколейная дорога. Это было жуткое мѣсто; странное содроганіе и таинственные звуки проносились по немъ и волшебные призывы неслись съ сѣро-зеленыхъ болотъ. Внезапно лѣсъ прекратился и дорога подошла къ темнокоричневому торфяному озеру, прозрачному какъ кристалъ и окаймленному тростникомъ и болотной миртой. Позади линіи холмовъ и болотъ, на фонѣ лѣса, онъ увидѣлъ маленькій домъ съ садомъ, разстилавшимся въ тишинѣ и одиночествѣ.

Впрочемъ полной тишины въ этомъ мѣстѣ не было, ибо онъ услыхалъ стукъ копытъ бѣгавшей внутри зеленой изгороди лошади, и хлопанье крыльевъ, и слабые звуки музыки, какъ бы легкое дуновеніе звуковъ, и тихій напѣвъ нѣжнаго какъ флейта человѣческаго голоса. Около дома виднѣлся плодовый садъ, полный деревьевъ, посеребренныхъ встающимъ мѣсяцемъ, и окруженные глиняной стѣной душистые цвѣтники, а далѣе гладкое пространство заросшаго тимьяномъ дерна, на которомъ стояли ряды ульевъ съ сонно жужжащими пчелами внутри; посреди ульевъ стояла женщина, окруженная цѣлой семьей дикихъ кроликовъ, которые прыгали у ея ногъ; она кормила ихъ и потихоньку напѣвала въ тактъ нѣжнымъ звукамъ невидимой музыки. Она была одѣта въ свободное сѣрое платье, на ея волосахъ виднѣлось легкое кружево, завязанное подъ подбородкомъ; на рукѣ, которой она слегка выбивала тактъ, виднѣлось кольцо съ постоянно мѣнявшимся свой цвѣтъ камнемъ. Когда она повернула свою голову, онъ увидѣлъ, что волосы ея были бѣлы какъ снѣгъ. Она была стара, но гибка и держалась прямо, кожа на ея лицѣ была нѣжная и тонкая, цвѣта слоновой кости, глаза—свѣтло-голубые, открытые, ясные, и все же какъ бы покрытые легкимъ туманомъ; это были глаза и мудрые, и дѣтскіе. Ручей и маленькій мостъ отдѣлялъ ее отъ Каргэза.

Справедливость требуетъ сказать, что онъ не имѣлъ намѣренія нанести ей вредъ; но онъ намѣревался испугать ее и заставить дать ему пищи, одежду и денегъ. Однажды грѣшникъ пришелъ къ святому и началъ оплакивать свои грѣхи и злобность своихъ враговъ, которые притѣсняли его. „Сынъ мой, не думай больше о своихъ грѣхахъ и о своихъ притѣснителяхъ, но держи на умѣ твои добродѣтели и добродѣтели твоихъ враговъ, которыя пребываютъ невидимыя для тебя въ Мысли Бога“. Но Симонъ Каргэзъ приучился думать о себѣ, какъ о преступникѣ и поэтому

для него стало возможно такое, что прежде было совершенно невозможно. Онъ взошелъ на мостикъ, чтобы она могла увидѣть его и его одежду каторжника, внушавшую всѣмъ презрѣніе и страхъ. Она взглянула на него, не переставая пѣть, и кролики не разбѣжались. Они сѣли на заднія лапки и принялись смотрѣть на него. Онъ разсудилъ, что ея самообладаніе означало присутствіе дюжихъ парней, злыхъ собакъ и ружей за открытой дверью дома. Тогда онъ измѣнилъ свое намѣреніе и обратился къ ея милосердію, жалобно говоря, что онъ голоденъ, замерзъ, что у него изранены ноги и весь онъ боленъ.

„Въ такомъ случаѣ войдите,“ сказала она спокойно. Онъ перешелъ черезъ мостъ, кролики продолжали пѣть, но музыка прекратилась. Онъ почувствовалъ, какъ по его спинѣ пробѣжалъ холодъ. Она вошла въ домъ и зажгла маленькую серебрянную лампу. Куски торфа горѣли на открытомъ очагѣ; полъ былъ усѣянъ зеленымъ хвощомъ и миртовыми вѣтками, издающими горько-сладкій запахъ, когда наступишь на нихъ. Изъ комнаты вели двое дверныхъ проходовъ, но съ откидывающимися занавѣсками вмѣсто дверей. Она подбросила торфу на очагъ, и огонь запылалъ. Онъ сѣлъ передъ огнемъ и началъ согрѣвать свои руки. Она стала прислуживать ему и дала ему поѣсть. Пока онъ ѣлъ, она сѣла у огня и продолжала потихоньку напѣвать про себя. Кончивъ ѣду, онъ попросилъ у нея платья.

„Мнѣ очень жаль,“ сказала она серьезно, „но развѣ вы могли бы надѣть мое платье?“

Онъ возразилъ на это, что она могла имѣть родственниковъ мужского пола.

„Ни одинъ человѣкъ не жилъ здѣсь съ тѣхъ поръ, какъ умеръ мой отецъ, вотъ здѣсь, направо. Никто не входилъ сюда съ тѣхъ поръ. Мнѣ было двадцать, когда онъ умеръ, а теперь мнѣ шестьдесятъ. Всѣ его платья я отдала бѣднымъ.“

„Значитъ вы живете здѣсь одна?“ спросилъ Каргзъ.

„Вы вѣрно говорите“, отвѣтила она. Здѣсь нѣтъ мужчины, кромѣ васъ, и нѣтъ женщины, кромѣ меня самой. Никто не забредетъ сюда, если Болотный Народъ не вздумаетъ привести его сюда. Мой отецъ построилъ этотъ домъ и насадилъ этотъ садъ въ мѣстѣ, указанномъ ему; онъ завѣщаль его мнѣ, поручивъ жить здѣсь и никогда не продавать его за деньги. Когда домъ не будетъ мнѣ нуженъ, я должна отдать его другому; онъ думалъ, что мнѣ будетъ указано подходящее лицо, чтобы принять этотъ

даръ, когда придетъ назначенный часъ. И мнѣ сдается, что я отдамъ его вамъ. Но не теперь.“

Каргэзъ понялъ, что она была сумасшедшая.

„Если вы не можете дать мнѣ платя,“ сказалъ онъ, „можетъ вы дадите мнѣ денегъ?“

„Это я могу,“ отвѣтила она. „Смотрите!“.

Она открыла шкапъ и вынула оттуда ящикъ; въ немъ лежало золото, вѣроятно фунтовъ пятьдесятъ.

„Я получаю деньги два раза въ годъ изъ Плимутскаго банка“, сказала она, „и я держу ихъ здѣсь, пока они не разойдутся. Сколько бы вы хотѣли имѣть?“

„Не дадите ли вы мнѣ пять фунтовъ?“.

Она отсчитала деньги, но потомъ бросила ихъ назадъ въ ящикъ.

„Завтра,“ сказала она. „Сегодня вы останетесь у меня. Вы слишкомъ устали; я это ясно вижу.“

Внезапный ужасъ охватилъ его; и ужасъ этотъ выразился въ попыткѣ напугать ее. Онъ вскочилъ и схватилъ ящикъ, на которомъ еще лежала ея рука.

„Женщина“, закричалъ онъ, „скажите мнѣ, кто вы? Я думалъ, что вы сумасшедшая; но если вы живете здѣсь въ одиночествѣ и распоряжаетесь своими деньгами по усмотрѣнію, вы не можете быть сумасшедшей. Развѣ вы не видите, что я бѣглый каторжникъ? Я могу быть приговоренный убійца или воръ, или то и другое. Я хотѣлъ убить человѣка, и я убью его. Вы показываете мнѣ свои деньги; вы говорите, что живете въ одиночествѣ; вы просите меня остаться на ночь. Развѣ вы не боитесь меня? И если не боитесь, то почему?“

Въ ея глазахъ засвѣтилась жалость, которая тронула его, но когда онъ увидѣлъ, что къ жалости присоединилась веселость, онъ опять испугался.

„Дорогой мой,“ сказала она серьезно и нѣжно, но съ легкимъ отѣнкомъ веселой насмѣшки въ голосѣ и улыбнувшись при видѣ, какъ онъ вздрогнулъ, услыхавъ ея слова, „вы гораздо больше боитесь меня, чѣмъ я васъ.“

Онъ опустился на стулъ и провелъ рукой по лбу.

„Это правда,“ сказалъ онъ хриплымъ голосомъ, „меня пугаетъ это мѣсто. Я думаю, что я схожу съ ума.“

„Вы побоитесь спать здѣсь?“ спросила она.

Онъ взглянулъ на нее, блѣднѣя все больше и больше. Послѣ длинной паузы онъ сказалъ: „нѣтъ!“

Тогда она отдернула бѣлую занавѣсъ направо, и онъ увидѣлъ маленькую, залитую луннымъ свѣтомъ комнату съ открытымъ окномъ, съ кружевною тѣнью отъ жимолости, отброшенной пятнами на полу. Въ комнатѣ виднѣлась постель и шкафъ съ темными старинными книгами. Она положила ящикъ съ деньгами въ шкафъ и вынула изъ него бѣлыя какъ снѣгъ простыни изъ тонкаго полотна.

„Это я выткала сама,“ сказала она и приготовила постель; потомъ пошла въ садъ и вернулась съ вѣтками розъ и цѣлой охапкой левкоевъ и гвоздикъ, отчего воздухъ въ комнатѣ наполнился тонкимъ ароматомъ. „Никто не спалъ здѣсь съ тѣхъ поръ, какъ умеръ мой отецъ,“ сказала она. „Но въ комнатѣ сухо и не холодно. Вотъ ваша постель. Покойной ночи. Она затушила лампы и опустила за собой занавѣску.“

„Вы оставили наружную дверь открытой,“ пролепеталъ онъ ей вслѣдъ.

„Да; можетъ вы боитесь холода?“

„Развѣ вы не запираете вашихъ дверей на ночь?“

„Въ моемъ домѣ нѣтъ запоровъ,“ отвѣчала она, „и входъ, какъ вы видите—только одинъ.“

Она опустила занавѣсъ и вслѣдъ затѣмъ изъ ея комнаты раздавалась прекрасная, но очень тихая музыка. Онъ сталъ прислушиваться съ замирающимъ сердцемъ; затѣмъ вошелъ въ освѣщенную луннымъ свѣтомъ благоухающую комнату, которую она приготовила для него и легъ, содрогаясь отъ страха. Музыка прекратилась; тишина росла; ему показалось, что внезапная вспышка свѣта, не похожаго на лунный свѣтъ, пронеслась по всему дому; воздухъ становился до того чистымъ и легкимъ, что онъ съ трудомъ могъ дышать. Такъ продолжалось нѣсколько минутъ; наконецъ ему стало невыносимо; онъ вскочилъ, на половину рыдая, на половину проклиная мѣсто, которое внушало ему такой страхъ; онъ рѣшилъ украсть деньги и вернуться назадъ въ болото. Онъ подошелъ къ шкапу и остановился; онъ не могъ подойти къ нему; непреодолимая, хотя и мягкая сила отталкивала его назадъ. Тихо вернулся онъ къ своей постели и легъ на нее, дрожа всѣмъ тѣломъ, какъ вдругъ онъ внезапно крѣпко заснулъ. Когда онъ проснулся, былъ уже яркій день; солнце сіяло и птицы пѣли. Онъ всталъ и убѣдился, что домъ былъ совсѣмъ пустой; и въ саду не было никого, кромѣ птицъ и жужжащихъ пчелъ; даже пони не было въ огороженномъ пространствѣ. Сердце въ немъ остановилось: онъ подумалъ, что она отправилась въ городъ, чтобы

предать его. И все же, несмотря на страхъ быть пойманнымъ, онъ медлилъ уходить. Вскорѣ онъ увидѣлъ легкую повозку, быстро приближавшуюся по дорогѣ. Онъ спрятался въ кустахъ и сталъ ждать; въ повозкѣ была его хозяйка, и когда онъ увидѣлъ ее, онъ вышѣлъ на половину устыженный за свои подозрѣнія.

„Я поѣхала на разсвѣтѣ въ городъ“, сказала она весело. „Я ѣдила за одеждой. Вы просили у меня новаго платья. А вѣдь неприятно отказывать гостю. Я надѣюсь, что эта будетъ вамъ впору.“

Онъ пробормоталъ что-то вродѣ благодарности.

„Возьмите же, сказала она, и онъ взялъ платье. Она взглянула на него.

„Бѣдный мальчикъ“, сказала она. „Какой усталый у васъ видъ. Какой измученный, угрюмый и испуганный. Вы бы выкупались въ моей рѣчкѣ.“

„Могу я распречь вашего пони?“ спросилъ онъ покорно. Она кивнула головой и вошла въ домъ. Онъ распрягъ пони, а затѣмъ пошелъ къ свѣтлой заводи, на которую она указала ему, и выкупался тамъ; вода показалась ему не похожей на обыкновенную воду и на время она словно смыла съ него всю темноту грѣха. Онъ надѣлъ на себя новое платье, а свое зарылъ въ землю и немедленно забылъ о немъ. Затѣмъ онъ пошелъ къ дому; она встрѣтила его на порогѣ и положила свои прозрачныя руки на его плечи.

„Думаете ли вы уйти“, спросила она, „или хотите остаться?“

„Остаться... но на сколько?“

„На сколько хотите—на день, недѣлю, на всю жизнь—никто не привелъ васъ сюда, и никто не отправитъ васъ отсюда, кромѣ васъ самихъ. Хотите остаться?“

Онъ глубоко вздохнулъ и въ немъ загорѣлось страстное желаніе остаться, ибо чары этого мѣста уже завладѣли имъ.

„Но меня возьмутъ, это такъ близко отъ... отъ тюрьмы.“

„Никто не найдетъ сюда дороги“, отвѣтила она съ яснымъ взглядомъ, „пока это не будетъ нужно. Вы можете работать въ моемъ саду до самаго Страшнаго Суда, и никто не увидитъ васъ, если только *они* не найдутъ этого нужнымъ.“

„Кто такіе *они*?“ прошепталъ онъ испуганно.

„Тѣ, что живутъ въ болотѣ“, отвѣтила она, „ихъ множество, большихъ и малыхъ, мудрыхъ и не мудрыхъ, но всѣ они посвящены въ то, что скрыто отъ всѣхъ людей, кромѣ тѣхъ, которыхъ они любятъ.“

Онъ молчалъ. Съ тѣхъ поръ, какъ онъ выкупался и пере-мѣнилъ одежду, онъ уже не боялся. Но онъ началъ испытывать стыдъ.

Когда онъ заговорилъ, слезы стояли въ его глазахъ.

„Я не могу остаться“, сказалъ онъ, „пока не скажу вамъ все.“

„Ну, такъ говори,“ сказала она, какъ мать своему сыну. Онъ сталъ на колѣни у ея ногъ и сказалъ ей много такого, что и самъ едва-ли понималъ; онъ разсказалъ ей о своемъ прошломъ, какъ оно ему представлялось; какъ онъ ненавидѣлъ своего брата и какъ, словно по волшебству, эта ненависть исчезла изъ его сердца навсегда; онъ разсказалъ, какъ онъ боялся, какъ пробовалъ ограбить ее, какъ подозрѣвалъ, что она предастъ его. Когда онъ кончилъ, она склонилась и поцѣловала его въ лобъ, и тогда онъ понялъ, что можетъ остаться. Въ эту ночь онъ видѣлъ, какъ кольцо изъ мерцающаго пламени опоясало домъ, садъ и заводъ, и въ этомъ пламени онъ видѣлъ странные образы и слышалъ множество голосовъ, распѣвающихъ отрывокъ изъ какой-то великой мелодіи.

Послѣ этого онъ жилъ въ мирѣ и спокойствіи; онъ помогалъ расти цвѣтамъ и плодамъ и узнавалъ разговоръ птицъ. Онъ выставлялъ каждую ночь чашу съ молокомъ для маленькаго Болотнаго Народа, выбиралъ медовые соты въ опредѣленное время и учился обращаться съ роящимися пчелами. Однажды зимой, когда морозъ сковалъ всѣ воды, исключая заводи, онъ нашелъ женщину, оставившую его у себя, на полу у очага; сердце ея еще билось, но очень слабо, и глаза ея были закрыты. Онъ не могъ пробудить ее; онъ положилъ ее на постель и стоялъ рядомъ, тяжело дыша и вздрагивая. Онъ понималъ, что если исполнить свой долгъ, тогда придется оставить Садъ Свѣтлыхъ Грезъ и вернуться въ міръ, гдѣ онъ будетъ наказанъ за свой грѣхъ. Онъ долженъ пойти и привести къ ней доктора, а ближайшій докторъ жилъ въ тюрьмѣ. За время его пребыванія въ этомъ саду, все существо его измѣнилось до основанія; и поэтому душа его страдала и содрогалась при мысли о возвращеніи туда, откуда онъ бѣжалъ; въ тотъ жестокій міръ, который теперь, когда такъ сильно возрасла его чуткость, долженъ показаться ему въ тысячу разъ болѣе жестокимъ. Онъ боролся, а затѣмъ наклонился и тихо поцѣловалъ ее въ лобъ и глаза; послѣ этого онъ вышелъ и, осѣдлавъ пони, поспѣшилъ въ тюрьму. Тамъ онъ отдался въ руки правосудія, прося объ одномъ, чтобы къ больной была послана немедленная помощь. Докторъ отправился на розыски указаннаго

мѣста. Болотный Народъ допустилъ его, и онъ не увидѣлъ ничего необыкновеннаго, кромѣ того, что заводъ не замерзла, что онъ приписалъ бьющимъ изъ-подъ земли ключамъ.

На слѣдующій день онъ увидалъ добровольно предавшаго себя заключеннаго, который былъ очень спокоенъ, тихъ и кротокъ во всѣхъ своихъ проявленіяхъ. Докторъ сказалъ ему, что женщина, ради которой онъ предалъ себя, была здорова. Она говорила доктору, что можетъ—по своему собственному желанію—впадать въ трансъ, и тогда ея душа отдѣлялась отъ тѣла и могла странствовать вездѣ, гдѣ пожелаетъ. „Она подвержена припадкамъ,“ сказалъ докторъ, „она нервно больная и, по всѣмъ вѣроятностямъ, анемична.“

Каргэзъ, который понялъ, что навлекъ на себя совершенно ненужныя страданія, не сказалъ ничего. На слѣдующее утро его нашли въ тюремной камерѣ оконченѣлымъ и совсѣмъ безъ пульса. Его перенесли въ больницу, и тамъ онъ пролежалъ съ еле замѣтнымъ біеніемъ сердца цѣлый день и цѣлую ночь. На разсвѣтѣ слѣдующаго дня онъ вздрогнулъ, открылъ глаза и заговорилъ какъ безумный о вещахъ, совершенно неизвѣстныхъ его тюремщикамъ, а затѣмъ поднялся и сѣлъ, повидимому совсѣмъ здоровый.

Вскорѣ послѣ этого два слуха распространились между его тюремщиками; одинъ, что Каргэзъ (хотя въ тюрьмѣ онъ назывался номеромъ, а не именемъ) сошелъ съ ума, другой, что въ его камерѣ водится нечистая сила. Онъ не только измѣнился въ манерахъ, но и самое лицо его приняло иной видъ: на немъ появилась печать юности, печать безсмертія, не подверженнаго переменамъ времени; замѣтили, что онъ видитъ такое, что не видно другимъ и прислушивается къ звукамъ, которые для другихъ не слышны.

Когда его стали спрашивать докторъ и тюремный священникъ, его отвѣты не были ясны, хотя онъ велъ себя при этомъ очень кротко и почтительно съ допрашивающими. Въ его камерѣ часто появлялся запахъ дикаго тимьяна, розъ, бѣлыхъ лилій, левкоевъ, гвоздики и жимолости, а также запахъ медоноснаго вереска. Слышно было также жужжанье пчелъ, пѣнье птицъ, журчанье ручья, звуки нѣжныхъ голосовъ и мелодическій перезвонъ тихой музыки, нѣжной и призрачной.

Однажды, когда онъ впалъ въ то, что докторъ называлъ „каталептическое состояніе,“ младшій тюремщикъ изъ горной Шотландіи увидалъ странную вещь, которая заставила его относиться къ заключенному съ почтеніемъ и страхомъ. Въ то время,

когда Каргэзъ лежалъ окоченѣлый и безсознательный въ теченіе дня и ночи—обычный срокъ его транса—тюремщикъ увидаль, какъ онъ шелъ черезъ краснѣющее болото совершенно свободно и съ нимъ былъ человѣкъ, окруженный сіяніемъ; этотъ человѣкъ былъ одѣтъ въ зеленую мантию, застегнутую золотой застежкой, и на его шеѣ виднѣлась золотая цѣпь; у него были босыя ноги и отъ нихъ струился свѣтъ, освѣщавшій дорогу, по которой они шли; въ рукѣ онъ держалъ вѣтвь, покрытую цвѣтами, похожую на терновникъ; рядомъ съ нимъ шла женщина, не молодая, но прекрасная старческой красотой, съ глазами, въ которыхъ свѣтилась тайна вѣчной юности. Та тайна, которая ускользаетъ отъ людей здѣсь, на землѣ, ибо они видятъ лишь тѣнь отъ нея въ глазахъ тѣхъ, кого они любятъ, а тѣни убѣгаютъ и обманываютъ тѣхъ, кто гонится за ними.

Подъ конецъ Симонъ Каргэзъ отбылъ положенное за его вину наказаніе и освободился тѣлесно; душа его научилась освобождаться еще ранѣе, ибо три урока выучиваются людьми въ Саду Свѣтлыхъ Грезъ: они научаются познавать, любить и быть свободными. И всѣ три урока составляютъ одно.

Въ самомъ началѣ весны онъ пошелъ къ мѣсту, охраняемому Болотнымъ Народомъ. На мосту его ожидала та, которая жила здѣсь такъ долго; она встрѣтила его свѣтлымъ привѣтомъ.

„Знаешь ли,“ сказала она, „что ты будешь жить здѣсь, когда я уйду? Пришло время передать тебѣ все, что я получила отъ отца моего; завтра я совсѣмъ уйду. Держи дверь всегда открытой, и золото не запертымъ. И никогда не бойся никого, кто придетъ сюда. Теперь я скажу тебѣ то, чего еще не говорила. Сюда люди могутъ приходиться только въ одиночку, и ты не долженъ никогда смущаться видомъ ихъ одеждъ. Расти цвѣты, окупай деревья и собирай медъ; только смотри, никогда не продавай ни плодовъ, ни меда, а отдавай ихъ даромъ всѣмъ, кто умѣетъ цѣнить ихъ.“

Сказавъ это, она радостно поцѣловала его и передала ему дарственный актъ на всѣ свои владѣнія и надѣла свое кольцо на его палецъ. На другое утро онъ ее нашелъ мертвой на кровати, и вся она была усыпана бѣлыми и розовыми лепестками отъ цвѣтущихъ деревьевъ.

Если меня спросятъ: истинная ли эта исторія, я скажу, что отчасти она истинна, а отчасти—нѣтъ. То, что въ ней не истиннаго, похоже на блестящій мыльный пузырь, который выдувается ребенкомъ въ минуты забавы; а то, что въ ней истинно, есть

двойкая истина: одна происходитъ въ часы бодрствованія, а другая въ часы грезъ. Мудрые люди говорятъ, что истина—одна и не можетъ быть раздѣлима. Несомнѣнно, это и для насъ будетъ такъ, когда мы перейдемъ за предѣль бодрствованія и за предѣль грезъ. Первая истина была рассказана драматическому писателю докторомъ; часть второй истины, истины грезъ, я пытался рассказать сейчасъ, какъ умѣлъ.

Пер. съ англ. Е. П.

Изреченія изъ Упанишадъ.

Мы объявляемъ священное ученіе о сліяніи подъ пятью заглавіями: По отношенію къ міру, къ свѣту, къ знанію, къ отпрыску рода, а также и къ „я“ (Self). Таковы великія сочетанія; такъ они именуются.

Что касается міра, то земля первый элементъ, второй—небо. Пространство между ними есть ихъ сліяніе, а воздухъ является средствомъ ихъ сліянія. Это относится къ міру.

По отношенію къ свѣту: огонь есть первый элементъ, второй—солнце; ихъ сліяніе вода. Молнія является средствомъ ихъ сліянія. Это относится къ свѣту.

Теперь о знаніи: Учитель есть первый элементъ, второй элементъ ученикъ; мудрость—ихъ сліяніе. Обученіе есть средство ихъ сліянія. Это относится къ знанію.

Теперь объ отпрыскѣ рода: мать есть первый элементъ, второй элементъ отецъ; отпрыскъ—ихъ сліяніе. Посредствомъ творчества они соединяются. Это относится къ отпрыску.

Теперь относительно нашего „я“. Нижняя челюсть есть первый элементъ, верхняя—второй элементъ; ихъ сліяніе—рѣчь. Языкъ есть средство, посредствомъ котораго онѣ сливаются. Это относится къ „я“. Таковы великія сочетанія.

Тотъ, кто знаетъ эти великія вышеизложенныя сочетанія, испытываетъ сліяніе съ сіяніемъ Брамы, съ отпрыскомъ его, съ родственнымъ ему, съ пищею его и со всѣмъ небеснымъ міромъ.